

«социального действия» был рассмотрен немецким социологом М. Вебером, под которым он понимал действие, по своей сущности аналогичное действиям других людей и ориентирующееся на них, при этом отмечая два основных признака социального действия: осмысленный характер и ориентация на ожидаемую реакцию других лиц.

Таким образом, в сетевом пространстве наблюдаются сетевые практики, характеризующие цифровых личностей посредством их позиции, которой они придерживаются в этой среде. Поведенческие стратегии цифровых героев определяют их практики, выявляющие их сознательность в цифровой среде.

Библиографические ссылки

1. Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар: КубГУ, 2014. № 2. С.40–54.
2. Печенкина О. А. Эра тотальной симуляции, или искусственное воскрешение реальности [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.gumer.info/ bogoslov_Buks/Philos/bodr_sim/index.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodr_sim/index.php). Дата доступа: 08.02. 2015.
3. Попова Д. А. Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 217 с.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет; пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.

ОБ АНЕКДОТЕ КАК ОСОБОМ ТИПЕ КУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА

А. А. Кожина

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

kozhinster@gmail.com

В статье рассматриваются русские анекдоты, играющие специфическую роль в жизни современного человека. Для понимания механизма влияния анекдота на человеческое сознание, необходимо проанализировать их дискурсивные компоненты. При этом анекдот представляется типом дискурса, основанным на основании различных механизмов противопоставления скриптов, создающих уравнение особого рода.

Ключевые слова: русский язык; дискурс; анекдот; скрипт.

ABOUT THE JOKE AS A SPECIAL TYPE OF CULTURAL DISCOURSE

A. A. Kozhinowa

Belarusian State University

Minsk, Belarus

kozhinster@gmail.com

The article deals with Russian jokes, which play a special role in people's lives. In order to understand the mechanism of the influence of a joke on the mind of the receiver, it is necessary to analyze its discourse components. A joke is construed as a type of discourse built on the basis of various mechanisms of the juxtaposition of scripts which constitute a type of equation.

Key words: Russian language; discourse; joke; script.

Анекдоты – это тип дискурса, играющий особую роль в жизни современного человека, особенно того, который живет в европейской или американской культурной среде. Это не только развлечение, анекдот выполняет гораздо более важную функцию, поскольку формирует так называемое антиповедение, которое можно определить как поведение наоборот, замена тех или иных регламентированных норм на их противоположность [1, с. 320]. Например, то, что в школе и дома ребенку прививают правила примерного поведения, приводит к возникновению цикла анекдотов о Вовочке, который эти правила постоянно нарушает:

– *Вовочка, а ты умеешь считать?* – *Да! Папа меня научил!*

– *Ну, а после трех что идет?* – *Четыре!*

– *Молодец! Ну, а после десяти что?* – *Валет!*

Антиповедение, характерное для иерархической культуры Средневековья, принимало форму конкретных акций сакрального характера – надевание одежды на левую сторону, переворачивание предметов вверх ногами, ритуальные кражи и т.д. В настоящее же время, когда подобные действия вряд ли будут положительно оценены социумом, антиповедение принимает характер, скорее, виртуальный – очень часто оно замыкается в границах рассказанного анекдота. Таким образом, осуществляется разрядка напряжения, создаваемого давлением приказов и запретов.

Уже на примере школьных анекдотов можно продемонстрировать специфику их восприятия, обусловленную их принадлежностью к определенной национальной культуре. Например, возникновение цикла анекдотов о Герасиме и Муму обусловлено тем, что в младшем классе средней школы изучается это произведение И.С. Тургенева, и для многих оно остается едва ли не последней прочитанной в жизни книгой:

Стоя перед памятником, новый русский спрашивает:

– *Кому это памятник?*

– Александру Сергеевичу Пушкину, – отвечают ему.

– Знаю, знаю, – говорит новый русский. – Это он «Муму» написал.

– Что вы, что вы, – отвечают, – «Муму» написал Иван Сергеевич Тургенев.

– И вот так всегда, – расстраивается новый русский, – «Муму» написал Тургенев, а памятник поставили Пушкину.

Конечно, этот анекдот поймут лишь те, кто знает русскую литературу и, более того, учил ее в школе по определенной программе.

В некоторых случаях для понимания анекдота недостаточно только принадлежать к определенной национальной культуре, обязательной является также рефлексия над ситуацией, лежащей в основе анекдота, ср.:

– *Что-то сказочка у нас получилась недетская, – сказал Колобок, дожевывая остатки лисицы.*

Чтобы понять этот анекдот, нужно не только знать сказку о Колобке, но также принимать во внимание то, что зачастую детская литература содержит в себе необоснованные элементы жестокости, поскольку народные сказки не всегда предназначались детям.

Представляется, что все анекдоты можно разделить не три группы. К первой принадлежат тексты, понятные для каждого слушателя, несмотря на его культурную и национальную принадлежность:

Идет похоронная процессия. За катафалком идет господин в трауре, а за ним десяток мужчин.

– *Кого хоронят?* – спрашивает одного из них прохожий. – *Тещу этого господина.*

– *Что с ней случилось?* – *Его волкодав ее загрыз.*

– *Я бы охотно одолжил этого пса.* – *Тогда становитесь в конце очереди, – отвечает спрошенный с подобающей моменту скорбью.*

Другая группа – это тексты, понятные только в рамках национальной культуры. Именно к таким относятся приведенные выше анекдоты о Герасиме и Колобке.

К третьей группе принадлежат анекдоты, понимание которых требует определенных профессиональных знаний:

– *Что такое Шкатулка Пандоры?* – *Фирменная коробка с Windows ME.*

Механизм создания комического в анекдоте стабильно привлекает к себе внимание исследователей. Один из создателей теории о семантических механизмах юмора В. Раскин ввел в обиход понятие скрипта, несущего порцию семантической информации, а также определенную часть знаний о мире [4, с. 81]. По Раскину, текст можно считать анекдотом, если, во-первых, он согласуется полностью или частично с двумя различ-

ными скриптами, во-вторых, скрипты, с которыми он согласуется, находятся в оппозиции друг к другу [4, с. 99]. Соответственно, анекдот будет непонятен, если адресат не поймет содержащиеся в нем скрипты [2, с. 185]. С этим мнением невозможно не согласиться. Приведем один из анекдотов времени “*stanu wojennego*”, непонятный человеку, незнакомому с ситуацией в Польше того времени:

– *Co to jest ZOMO? – Bijące serce partii.*

Данный анекдот, безусловно, содержит в себе скрипты, без расшифровки которых будет непонятен. Однако эти скрипты задает отнюдь не аббревиатура ZOMO, они вызываются к жизни лексемой *bić* – ‘наносить удары, побои, избивать’ и ‘пульсировать (о сердце)’. Эти скрипты не несут в себе никакой национальной специфики, наоборот, они явно выходят за узкие национальные рамки. Доказательством последнего положения служит возникновение подобного анекдота в условиях иного режима – в Румынии [3, с. 195].

– *Wiecie, co jest sercem naszego kraju? – Nie.*

– *Milicja, która bije, bije, bije...*

Информация же, которая может быть непонятна представителю иной национальной культуры – о политической ситуации в стране, об историческом противоборстве и т.д., относится к области фоновых знаний.

В рассмотренных случаях механизм противопоставления скриптов можно определить как внутриязыковой – он базируется на полисемии глагола *bić*. Универсальность подобного механизма, возможность перевода построенного на его основе анекдота на другой язык обусловлена семантикой глагола (при условии, разумеется, наличия в соответствующей стране карательных органов государственной власти). Например, такой анекдот непереводим на русский язык, поскольку сравниваемые действия здесь обозначаются при помощи невозвратного и возвратного глаголов – *бить* и *биться* (о сердце).

Гораздо большим универсализмом обладает ситуационный механизм противопоставления скриптов. Именно такой механизм определяет структуру следующего известного анекдота, в котором принимают участие представители трех братских народов бывшего СССР:

В помещении Верховного Совета СССР рабочие монтировали аппаратуру для голосования. Как у нас часто бывает, они ушли, оставив небранным весь строительный мусор – щепки, провода и т.д. Приходят депутаты, садятся на свои места, а там – гвозди.

Русский достает гвоздь и с грубым ругательством бросает его в Президиум.

Украинец достает гвоздь и со словами:

– Гвоздик?! Пригодится в хозяйстве, – кладет его в карман.

Белорус достае гвоздь и со словами:

– А можа так і трэба, – засовывае яго назад в сидение.

Механизм противопоставления скриптов в данном случае можно представить следующим образом: первые два скрипта, в которых поступки главных участников, с одной стороны, адекватны ситуации, а с другой, соответствуют стереотипическому представлению о национальном характере, противопоставлены третьему, в котором поступок, на первый взгляд, ситуации неадекватен, однако именно из этой неадекватности выводится представление о сущности национального характера. Если посмотреть внимательно на приведенный пример, можно обнаружить заменимость именованных представителей национальностей в анекдотической схеме: например, Верховный Совет СССР можно заменить Организацией Объединенных Наций, русского – американцем, украинца – шотландцем, белоруса – китайцем.

Таким образом, механизм противопоставления скриптов, на котором базируется структура анекдота, можно представить уравнением, лежащим в основе решения задачи. Уравнение имеет определенную структуру, в нем есть постоянные, а также переменные – именованные представители определенных народностей. Именно эта структура определяет существование анекдота как типа текста.

Библиографические ссылки

1. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные труды: в 3 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1994. С. 320–333.
2. Dymel R. Śmiech zakazany // Humor europejski. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1994. S. 179–184.
3. Galatani O. Ośmieszanie jako strategia obronna w państwach totalitarnych: dowcip rumuński // Humor europejski. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1994. S. 186–197.
4. Raskin V. Semantics Mechanisms of Humor. Dordrecht: Springer, 1985. – 421 p.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСКРЕАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Т. Л. Кондратенко

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: tkondratenko@list.ru

Статья посвящена особенностям применения стратегии транскреации в сфере перевода рекламы. Автор рассматривает суть феномена транскреации с позиций лингвистической науки и возможности применения данной стратегии для обеспечения эффективной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: язык; дискурсивные практики; рекламный дискурс; рекламный слоган; перевод; межкультурная коммуникация; транскреация.